

ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО НЕГИДАЛЬЦЕВ

Дмитрий Викторович ЯНЧЕВ,
научный сотрудник Института истории ДВО РАН

Негидальцев принято относить к хозяйственно-культурному типу охотников и рыболовов. Традиционное хозяйство негидальцев было комплексным: зимой практиковалась охота на мясного и пушного зверя, весной некоторые негидальцы из низовской группы занимались промыслом морских животных, летом и осенью — рыболовством и собирательством. Охотничий промысел у верховских негидальцев играл большую роль, чем у амурских соплеменников. Охотой занимались в течение всего года. Охотились с помощью лука *бэй* и стрел *ней*. На крупных животных ставили самострелы *сэнму бэй*, изюбрей подманивали берестяной трубой во время гона. Пушных зверей добывали давящими ловушками, разных типов: на соболя — петли *хойки* или, загнав зверька в нору, использовали сеточку-рукавчик.

В тайгу за пушниной низовской охотник ходил на лыжах с ручной нартой. Низовские негидальцы имели ездовых собак, которых использовали во время поездок к дальним охотугодиям. Ездили по рекам, обычно прижимаясь к берегу, где лед был всегда толстым. Пользовались лыжами двух видов: весной использовали «голицы», а зимой при большом снеге применялись лыжи с камусной основой.

Самострелы изготовляли разных размеров в зависимости от вида животного. Ловушка *нахиван* в виде высокого столба с раздвоенной верхушкой устанавливалась на холме и предназначалась для ловли лисицы. На одну из развилин крепилась приманка; животное, прыгая и доставая её, попадало лапой в проём и застревало в ловушке. Ловушка *бихита* давящего типа устраивалась в виде маленького сруба. Петли *хойки* изготовлялись из конского волоса и устанавливались с помощью деревянных приспособлений на бревнах через ручьи и речки в местах пушной охоты. Принцип настороженной давящей жерди применялся также в ловушках *дал* и *локи*. Принцип лучка использовался в ловушке *кангулта* (общесибирского черкана). Действие этих ловушек нам, к сожалению, наблюдать не пришлось.

Сетка для ловли соболя представляла собой длинный мешок в форме цилиндра, переходящего в удлиненный конус. В устье, широком открытом конце, сетка привязывалась к кольцу, согнутому из тальникового прута *кэлон*. Несколько таких колец (3—5) привязывались внутри сетки, в ее цилиндрической части, на некотором расстоянии друг от друга. Коническая часть заканчивалась веревкой. Сетка устанавливалась у входного отверстия норы, веревка ее противоположного конца натягивалась и привязывалась к колышку, вбитому в землю; при этом внутренние кольца расправляли сетку.

К охотничьему снаряжению относится также поняга — заспинная доска, надевавшаяся парой привязанных петель на спину охотника. К ней при помощи нескольких пар прикрепленных ремешков привязывали добычу и часть снаряжения¹. Весной в снаряжение охотника входили также «снежные очки»

(тонкая дощечка или береста с узкими смотровыми щелями), предохранявшие глаза от блеска снега.

В традиционном хозяйстве негидальцев, сравнительно мало затронутом товарными отношениями, охота на мясного зверя составляла основную заботу о пропитании. Это направление охоты преимущественно определяло хозяйственный год у негидальцев, живших на Амгуни. Когда шли на промысел зверя, как правило, брали с собой немного продуктов, надеясь на то, что удастся добыть на промысле. Охотники носили на теле особый пояс, который ежедневно затягивали на один-два пальца². Ходили обычно на восемь — десять дней в сопровождении жен и детей.

Важнейшую роль в хозяйстве негидальцев играла охота на пушных животных, которая имела особое значение после присоединения Приамурья к России, потому что пушнина приобрела товарное значение. Если продукция мясной охоты, рыболовства полностью потреблялась в собственном хозяйстве, то пушная охота имела с давних времен важное значение. Китайские хроники дают подробные описания образа жизни и занятий отдаленных северных народов, среди которых отмечается промысел пушных зверей³. Техническая сторона древнего пушного промысла нам плохо известна, но о ней нетрудно составить мнение на основании более поздних исторических свидетельств.

Охотились, как правило, с собакой: она отыскивала зверька на дереве и загоняла его в какое-нибудь укрытие. Наиболее продуктивной была охота с собакой в конце осени — начале зимы. Иногда при добыче соболя употребляли обмёт — это длинная и высокая сеть. Ею огораживали пространство вокруг норы, куда прятался зверек, а охотник ждал его выхода из норы. Добывали соболя и с помощью самострела, который настораживали перед норой или на тропе; чтобы зверек не обошел снаряд, вокруг него втыкали прутья.

С помощью настороженных самострелов и пастей добывали лисицу, на которую охотились гоним на лыжах. Также с помощью собаки охотились на рысь и росомаху. Обнаружив недоеденного рысью или росомахой зверька, его окружали частоколом, оставляя небольшой проход, напротив которого настораживали самострел⁴.

Белка — наиболее массовый пушной зверек. Лучшими беличьими угодами являются хвойно-лиственные леса со значительной примесью кедра. Большое количество белки наблюдалось обычно в тех угодах, где было мало соболя⁵. Охота на белку начиналась с выпадения первого снега и продолжалась до конца марта; промышляли этого пушного зверька ружьем с помощью собаки. При добыче белки так же, как и других мелких пушных зверей (колонка, горностай и др.), пользовались и черканом. Утром белка не только жирует и передвигается по земле, но нередко, особенно в ясную погоду, играет. Во время этих игр белка часто издает крик, по которому даже малоопытная собака сравнительно быстро находит зверька, и охота на белку бывает наиболее удачной. Обдирали белку чулком, предварительно сделав надрезы по задним ногам. Хорошо обезжиривали, выворачивали мездрой наружу и сушили без правил.

На колонка охотились с собакой или при помощи деревянных самоловов. Сроки добычи, методы и технология отлова колонка деревянными самоловами близки к промыслу соболя. С собакой на колонка обычно охотятся по мелкому снегу. Выбирали, как правило, некрупных, но вертких и злобных собак⁶. Шкурку колонка обдирали так же, как и соболя.

Низовская группа негидальцев промышляла также и выдру. На нее настораживали самострелы на переходах выдры от полыньи к полынье, пользуясь ее повадкой идти в этом случае напрямик. А.Ф. Миддендорф упоминал о том, что при охоте на выдру использовали специальные стрелы с гарпунным наконечником⁷. Необходимым снаряжением пеших охотников кроме лука, а позднее огнестрельного оружия были поняга и лыжи. На промысле использовали также пальму *катан*. Она служила топором для расчистки лесной чащи.

Как мы уже говорили, на промысле охотнику помогала хорошо обученная с раннего возраста собака. Кроме своего основного назначения (добычи

зверя), охотничьи собаки зачастую помогали промысловнику тащить ручную нарту *толгоки*⁸. «Они крайне бедны и ничего, кроме звероловной и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нескольких собак, также одеяния и юрт не имеют... Некоторые имеют по нескольку, а иные до 10 смиренных оленей, которых чрезвычайно берегут и редко доят. Старые люди и девки ездят на них верхом, да на них же перевозят и домашний скarb»⁹.

Все источники, бесспорно, свидетельствуют о заметном месте пушной охоты и обмена в экономике традиционного хозяйства негидальцев, сложившегося задолго до прихода русских в Сибирь. Таким образом, очевидно, что пушная охота выводила негидальское хозяйство за рамки натурального уклада, связывая его с экономикой соседних этнических групп.

Стрелы имели разные наконечники в зависимости от того, для какого зверя они были предназначены. Хранили и носили их в специальных колчанах *талку*. Для охоты на белку *оляхи* употребляли стрелы с утолщенными деревянными наконечниками *нюр*. Иногда применялись стрелы с костяным пером в виде округлого в поперечном сечении стерженька, с тупым заovalенным жалом.

На лисицу, рысь, росомуху, горноста негидальцы специально не охотились, их добывали попутно во время охоты на других животных. Чаше всего на них ставили самострелы по тропам или у прикормок.

Для удачи в пушном промысле негидальцы собирали амулеты из соболиных носов, лапок белок, шкурок пушных зверьков с необычным окрасом или какими-либо пятнами. Каждую шкурку пушного зверька окуривали дымом от жира, брошенного в огонь. Делалось это обычно, когда в партии черных (баргузинских) соболей попадался экземпляр с бурым окрасом. И, чтобы не портить всю партию, его чернили. Ни в коем случае нельзя было жарить кровь пушного зверя на огне, давать пушнину нюхать собаке и дарить шкурки. Считалось, что нарушение этих запретов и поверий приведет к неудачам в охотничьем промысле. Лисья шкура *салахи синкапын*, аккуратно сшитая по краям, вешалась дома в укромном месте, чтобы никто ее не видел и не трогал. Считалось, что она приносила большую удачу на промысле пушного зверя¹⁰.

Медведя *бакайа* обычно добывали в берлоге, стреляя в зверя из ружья, или били копьем *гида*. Зимой, отыскав берлогу по желтоватому снегу на ней, вход перекрывали бревнами и, разбудив зверя, ожидали с оружием его выхода. Устанавливали на медвежьих тропах большие петли *хурка*, изготовленные из простой лосиной шкуры. Сам ремень пропускали сквозь отверстия, сделанные в стволах стоящих в ряд нескольких деревьев, и крепко привязывали к последнему стволу. Зверь, попав в петлю, тащил ее вперед и тем самым затягивал, задыхаясь. У верховских негидальцев ставили на медведя пасть-ловушку в форме треугольного сруба. В одной из сторон этой ловушки делали вход с «порогом» (обычно из трех бревен). Над ним укрепляли настил из тяжелых бревен, который обрушивался на зверя, схватившего приманку, подвешенную посреди сруба и привязанную к насторожке.

Будучи в экспедиции, нам удалось получить информацию о способе добычи лося с помощью яда растительного происхождения, не опасного для человека. Наконечник стрелы смазывали травой *а и-н этэгарбива*, растущей по склонам сопков, и зверь, даже легко раненный, погибал¹¹. Следует заметить, что в Аяно-Майском районе практиковался способ добычи копытного зверя с помощью отравленной стрелы, настороженной на самострел. Для этого живущие здесь эвенки железный наконечник стрелы смазывали салом, а затем коптили дымом подожженной бересты. Такая стрела вызывала заражение, убивавшее животное даже при легком ранении¹².

При охоте на лося в зимнее время использовали собаку, которая выходила вперед и удерживала зверя на месте, в то время как охотник старался незаметно приблизиться сзади на выстрел. Весной промыслили по насту, а летом били в водоемах, где он лакомился водорослями. Охотник тихо плыл на лодке вниз по протоке. Заметив лося, он подплывал к нему на близкое расстояние и стрелял из лука или ружья. Иногда на лося ставили петли (диаметром до 1,5 м), которые устанавливали обычно на тропах, ведущих к водопою. Стре-

ляли из ружья с подпоры сошки, как это было распространено во многих районах Сибири. В качестве подпоры часто использовали лыжную палку с кольцами на конце, перевернув и разъединив которую можно было использовать в качестве подставки¹³.

Весной и осенью, охотясь на мясного и пушного зверя, негидальцы попутно добывали боровую и водоплавающую дичь. На глухарей ставили силки, стреляли гусей, уток, куропаток. На черного рябчика-дикушу *карэки* охотились с помощью петли и палки, длиной около 2 м. У негидальцев был распространен «ущемляющий» черкан *кангулта*,¹⁴ соединенный с луком самострелом, в котором место наконечника стрелы занимала ущемляющая планка.

Можно говорить о существовании на Амгуни двух типов самострелов. Орудия, предназначенные для добычи крупных животных, отличались от самострелов на пушных зверей, не только размерами, но и устройством некоторых деталей (в первую очередь стрелы). Самострел состоял из лука, станины, на которой лежала стрела, и спускового механизма — курка. От него протягивали тонкий белый конский волос, задевая который, зверек приводил в действие спуск, и стрела, нацеленная на след, поражала животное. Второй конец привязывали к крохотному брусочку, лежащему на верхнем конце курка. Наличие такого брусочка придавало самострелу особую «чуткость»: стрела спускалась даже от самого осторожного прикосновения маленького зверька.

В самострелах, поставленных на крупных животных, сторожевую нить (волос) просто привязывали к верхнему концу курка или по верхней части тонкой веревочной петли, удерживающей курок в вертикальном положении. Переднюю часть стрелы в самострелах на пушного зверя делали полый внутри; через внутреннее продольное отверстие проходила тонкая веревка, к одному концу которой прикрепляли задний конец наконечника стрелы. Второй конец веревки через отверстие выходил наружу из стрелы и привязывался к дереву; когда стрела попадала в животное, оно не могло убежать со стрелой в теле, его держала веревка.

К древнейшим способам охоты на парнокопытного зверя можно отнести ловчие ямы *хукэлки*. Их копали в проходах изгородей и по тропам, перекрывали жердями с лапником и маскировали под рельеф местности. Этот способ добычи животных был широко распространен у верховских негидальцев. На кабаргу охотились с пищалкой *пичаун*, сделанной из двух маленьких полосок бересты. С ее помощью охотник подражал голосу то самца, то самки, подманивая животное.

Охота со скрада была наименее распространенной и применялась в часто посещаемых зверем местах кормежки, регулярных суточных перемещениях, путях весенне-осенних миграций и т.д. Принцип охоты предельно прост. Промысловик с подветренной стороны устраивал на вероятных выходах засаду (скрад) на земле или на дереве. Этот способ требовал огромного терпения и выдержки.

Большую роль в охотничьем промысле играли копыя с наконечником до 25 см. Наконечники изготавливались местными кузнецами и имели форму вытянутого ромба с втулкой для насаживания на древко. Вдоль наконечника копыя по средней линии проходил выпуклый валик. Копье обычно держали в деревянных ножнах. К древку (длина 280 — 300 см) близ втулки привязывали маленькую «ручку» — упор, не позволявший копыю протыкать животных насквозь. Если не было копыя, а оно срочно требовалось, негидальцы использовали свежесрубленный и заостренный шест. Им убивали животных, загнанных по весеннему насту.

Кабаргу добывали главным образом из-за струи, в зимнее время промышленя гоним. Если у охотников не было устроено засеки, на кабаргу настораживали самострелы, устанавливая их на звериных тропах, идущих вдоль склонов сопков и по горным ключам¹⁵. Осенью в местах перехода кабарги с гор в сторону речек устанавливали петли, маскируя их мхом¹⁶.

Промысел волка *нэлэвки* был ограничен благодаря тому особому месту, которое зверь занимал в системе религиозных представлений негидальцев. Нэлэвки — дословно «пугающий» и, по мнению В.И. Цинциус, почтительное

отношение к нему было обусловлено тем, что волк был животным, которого боялись по причине представления, что он был «запретным» и настоящее имя его никогда не произносилось¹⁷. Подобное отношение к волку было и у эвенков. По мнению М.Г. Турова, старики так объясняли подобное отношение: «Пошто стрелять его? Волк такой же охотник, как и я. У волка своя тропа — у меня своя. Пошто я его стрелять буду»¹⁸. Охотник, убивший волка, просил прощения у него: «Не я тебя убил, а сам ты помер, никто тебе зла не делал»¹⁹.

Морской зверобойный промысел имел большое значение в хозяйственном комплексе, главным образом низовских негидальцев: из шкуры морских животных шили одежду, обувь, головные уборы, делали арканы и вьючные сумки, мясо употребляли в пищу, жир заготавливали впрок. Объектом промысла в основном была нерпа *онтанат* — сивуч и маленькая — *дяухта хутанын*. Поздней весной негидальцы выходили к побережью Охотского моря, добывая нерп при помощи ружей и острог *пелаха тянка*.

На Охотском побережье в конце XIX в. в удачный весенний сезон охоты средняя добыча охотника составляла 50 уток, 30 гусей, 2—5 лебедей²⁰. Из птиц преобладали турпаны. Во время линьки они стаями держались в море, их загоняли в устье рек или на отмели и за один загон брали по несколько тысяч птиц.

У негидальских охотников при охоте на соболя применялась специальная сетка (*золкоһо*). Как уже говорилось выше, сетка представляла собой длинный мешок в форме удлиненного конуса. В устье она привязывалась к кольцу, согнутому из тальникового прута. Несколько таких колец, обычно 3-5, привязывалось внутри сетки, в ее цилиндрической части на некотором расстоянии друг от друга.

Как уже говорилось выше, на охоту негидальцы брали с собой женщин и детей. Особенно характерно это было у верховской группы. По-видимому, это свидетельство полукочевого характера хозяйства у негидальцев в прошлом, так как у кочевых групп эвенков также брали с собой на охоту женщин и детей²¹. Охотники имели, как правило, постоянное зимовье, типологически сходное с русским, но имевшее ряд конструктивных особенностей. Судя по дошедшим до нас сведениям, зимовье представляло собой полуземлянку, покрытую землей и дерном, сложенную из толстых бревен лиственницы и называемое *туэдзек* — зимовье, зимник²².

Завозку продуктов для промысла, изготовление путиков-плашек производили в конце марта — начале апреля. Путик, на котором выставляли самоловы, равнялся дневному переходу оленя. Рядом с ним для проезда всегда прорубались тропы. Каждый охотник имел по три-четыре путика. Осматривали плашки через четыре-пять дней. По пути охотились на копытного зверя, а когда выпадал большой снег, дополнительно по соболиным тропам настораживали самострелы.

Так как до конца марта в тайге сохранялся высокий снеговой покров и лоси не покидали своих зимних мест, у охотника уходило буквально несколько дней на то, чтобы пополнить истощившиеся запасы продуктов и произвести заготовку весенних шкур, необходимых для изготовления легкой летней одежды и обуви. Время, отводимое на промысел зверя по насту, ограничивалось одной-двумя неделями, так как в этот период еще не заканчивался интенсивный промысел белки и соболя, отнимавший большую часть рабочего времени охотников. Масштабы передвижений охотничьих партий во время промысла были невелики. Обычно для охоты по насту охотники объединялись в партии по два-три человека, выходившие в одно-двухдневные маршруты с небольшим запасом продуктов, уложенных на поняги. Однако сам загон зверя не занимал, видимо, столько времени и сил, как об этом писала в свое время Г.М. Василевич²³. По мнению негидальцев, «сохатого легче гонять, выдыхается скоро», зато «оленья скрадывать легче — совсем слепой и слышит худо»²⁴. На промысле лося, не способного вообще выдержать длительное преследование и обычно после непродолжительного быстрого бега переходящего на широкий шаг, гоньба по насту в течение нескольких суток вообще не имеет смысла. По мнению негидальцев, «... лося шибко гонять нельзя, мясо как мыло становится, собаки

и те такое мясо не едят. Только шибко голодный, когда мясо долго варит, потом есть можно, однако все равно худо пахнет»²⁵.

Много искусства требовалось от охотника для обнаружения зверя и умения скрытно подойти к нему на предельно короткую дистанцию. Даже для достаточно опытного охотника в период наста большая часть времени уходит на поиск зверя. Все копытные, в том числе и лось, имеют одно весьма положительное свойство: за весьма короткое время набирать максимальные промысловые кондиции. К середине октября возрастает подвижность животных, стягивающихся к постоянным местам гона и группирующихся в пары или небольшие стада до 4—6 голов в каждом. Благодаря действующему принципу «что достаточно, то и достаточно»²⁶, масштабы охоты по насту с целью создания необходимого запаса продуктов промысла ограничивались экологически допустимыми нормами и не могли подорвать воспроизводственной основы промысловых животных. До середины октября на каждую семью в сушеном, а с наступлением устойчивых минусовых температур и в мороженом виде запасалось минимум 2—3 лося. Позднее, в зимние месяцы, охота на лося производилась, как об этом свидетельствуют информаторы, лишь от случая к случаю, когда поблизости от очередной стоянки во время пушного промысла охотник обнаруживал свежие следы лося. Зная сезонную особенность поведения лося и обычные места его кормежки, охотники, не отвлекаясь на длительное время от пушной охоты, попутно с нею промышляли зверя.

Негидальцам был чужд браконьерский подход к объектам промысла. Примеров щадящего режима освоения охотниками промысловых ресурсов более чем достаточно. По сообщениям информаторов, прежде существовал достаточно строгий запрет на отстрел в период с июля до середины августа стельных лосих и маток с телятами-сосунками. Попутно следует отметить, что запрет на отстрел распространялся также и на линную лесную птицу, на глухарей и тетеревов, сидящих на гнездах; в период гнездования держали на привязи охотничьих собак, «чтобы гнезда не зорили»²⁷. Летний промысел вида по своей интенсивности, эффективности и пищевому значению не может считаться доминирующим. По словам негидальцев, «летом и так еды везде много»²⁸.

Зверовая охота, несмотря на свое действительно доминирующее значение, в зависимости от конкретного сезона могла отступать на задний план, замещаясь охотой на лесную и водоплавающую птицу, рыболовством и собирательством.

Все это, на наш взгляд, устойчиво обеспечивало негидальцев продуктами питания. Очевидные представления о частых голодовках среди негидальцев менее всего связаны с периодическими сокращениями промысловых видов, имели место только отдельные случаи, сохранившиеся в народной памяти. Так, по словам негидальки Е.М. Бобик (Апочки), «бабушка наша тогда еще в девках бегала — звери все на свою войну пошли»²⁹.

Активные способы охотпромышления угодий, связанные с поиском добычи, ее преследованием, т.е. с известными передвижениями самих охотников и членов их семей, не выходили за пределы довольно узкого участка занимаемых ими родовых угодий. Наибольшей интенсивности промыслы достигали либо на подходе охотничьих групп к районам зимних стойбищ (у верховских негидальцев), либо производились в непосредственной близости от них, когда семьи жили оседло, а охотники выходили в кратковременные охотничьи экспедиции.

¹ Устное сообщение С.А.Гохты, негидальца села Кальма, 1916 г. рождения, в 1995 г.

² Устное сообщение А.П.Казарова, негидальца села Владимировка, 1921 г. рождения, в 1991 г.

³ Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 51.

⁴ Афанасьев А.В. Охотничий промысел в районе хребта Дуссе-Алинь к северу от Дульниканского перевала // ТСОПС. Дальневост. сер. Амгунь-Селемжинская экспедиция АН СССР. Буринский отряд. Л., 1934. Вып. 2. С. 276.

⁵ Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. С. 51.

⁶ Устное сообщение С.А.Гохты, негидальца села Кальмы, 1916 г. рождения, в 1995 г.

- ⁷ Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1878. Ч. 2. С. 607.
- ⁸ Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С.547.
- ⁹ Георги И.С. О состоянии тунгусских племен на 1799 г. СПб.Ч.3. С.43.
- ¹⁰ Устное сообщение С.А.Гохты, негидальца села Кальмы, 1916 г. рождения, в 1995 г.
- ¹¹ Устное сообщение Е.М.Бобик (Апочки), негидалки села Белоглинка, 1912 г. рождения, в 1992 г.
- ¹² Васильев В.Н. Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926—1928 гг. // Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР Л., 1930. Вып.36. С. 526.
- ¹³ Пасвик. Записка о тунгусах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т.4. Вып.1. С.115.
- ¹⁴ Цинциус В.И. Негидальский язык. Л.,1981. С.229.
- ¹⁵ Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. С.729.
- ¹⁶ Василевич Г.М. Эвенки: Ист.-этногр. очерки (XVII—начало XXв.). Л., 1969. С.57, 65.
- ¹⁷ Цинциус В.И. Представления негидальцев, связанные с охотничьим промыслом. М., 1971. С.23.
- ¹⁸ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири (в конце XIX — начале XX в.). Иркутск, 1990. С.54.
- ¹⁹ Информация А.П. Казарова, негидальца села Владимировка, 1921 г. Рождения, в 1991 г.
- ²⁰ Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. С.76.
- ²¹ Василевич Г.М. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С.165.
- ²² Суслов И.М. Охота у тунгусов // Охотник и пушник Сибири. 1929. №1. С.44—49.
- ²³ Василевич Г.М. Эвенки. С.53.
- ²⁴ Информация А.П. Казарова, негидальца села Владимировка, 1921 г. рождения, в 1991 г.
- ²⁵ Устное сообщение С.А. Гохты, негидальца села Кальма, 1916 г. рождения, в 1992 г.
- ²⁶ Харузина В. Тунгусы. М.:Л., 1928. С.32.
- ²⁷ Устная информация В.Г. Семенова, негидальца села Владимировка, 1924 г. рождения, в 1991 г.
- ²⁸ Устное сообщение В.Г. Федотова, негидальца села Владимировка, 1932 г. рождения, в 1991 г.
- ²⁹ Устное сообщение Е.М. Бобик (Апочки), негидалки села Белоглинка, 1912 г. рождения, в 1992 г.

SUMMARY. «The Negidals' Hunting» is the title of the article written by a researcher of the Institute of History D. Yanchev. The author describes in detail the hunting devices of the Negidals, the peculiarities of the national hunting. The author tells that this hunting was seasonal and describes it.